

Эдуард Байков

**Горизонты науки
Башкортостана (сборник)**

«Автор»

2009

Байков Э.

Горизонты науки Башкортостана (сборник) / Э. Байков —
«Автор», 2009

В данном сборнике представлены научно-популярные произведения писателя, ученого, журналиста Эдуарда Артуровича Байкова. В своих статьях, очерках, интервью и эссе, ранее опубликованных в центральной и республиканской прессе, а также в Интернете, в коллективных сборниках и альманахах, автор ведет конструктивный разговор, посвященный многим насущным проблемам современной науки. Перед читателями предстают яркие образы ученых и научных организаций Республики Башкортостан.

© Байков Э., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Часть I. Персоналии	6
Бугера Владислав Евгеньевич	6
Великий блеф XX века[1]	6
Новая философская школа[2]	9
Неизбежность третьего передела мира[3]	13
Валеев Ильяс Иштуганович	19
Символы вокруг нас[4]	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эдуард Байков

Горизонты науки Башкортостана

©Э. А. Байков, 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается памяти моего деда С. III. Байкова

Часть I. Персоналии

Бугера Владислав Евгеньевич

Великий блеф XX века¹

Предлагаем вниманию читателей интервью с Владиславом Бугерой – автором нескольких научных книг и ряда научных и научно-популярных публикаций, доцентом кафедры философии гуманитарного факультета Уфимского государственного нефтяного технического университета. 27 февраля с. г. В. Бугера защитил на философском факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова докторскую диссертацию «Отношения собственности и управления как необходимые формы человеческой деятельности». Защита проходила бурно; диссертация вызвала жаркие споры среди ряда ведущих московских философов, присутствовавших на защите. Вопросы, заданные нами ученому, как раз и касаются тех его концепций и выводов, которые своей остротой и актуальностью вызвали наиболее бурную и неоднозначную реакцию столичного философского сообщества.

– Владислав Евгеньевич, в своем фундаментальном исследовании «Сущность человека», вышедшем в издательстве Российской Академии наук «Наука» год тому назад, Вы ни много ни мало утверждаете, что социализм как реальное явление никогда не существовал ни в одной из стран так называемого «социалистического лагеря», как не существует и сегодня – в остатках «былой социалистической роскоши».

– Да, действительно, это так. Ложь о «социализме в СССР» – это был великий блеф XX века.

– Чем Вы обосновываете данный тезис?

– Прежде всего, необходимо разобраться с определениями. Чем отличаются друг от друга разные типы общества? Одни из них находятся на разных уровнях развития производительных сил, другие могут сосуществовать на одном – но при этом каждому типу присуща своя комбинация отношений управления и собственности.

Существуют три основных типа отношений управления: отношения индивидуального управления, когда индивид сам управляет своей деятельностью независимо от других индивидов (членов группы); отношения коллективного управления, при которых члены коллектива принимают совместные решения и равноправны в своих действиях (на основе сотрудничества и взаимопомощи); отношения авторитарного управления – при этом способе управления члены группы делятся на начальников и подчиненных, и первые манипулируют вторыми.

Так и с отношениями собственности: бывает собственность индивидуальная (владение как самим собой, так и некоторыми объектами в своей деятельности), коллективная (коллектив как единый собственник всех членов группы и принадлежащих ему объектов), авторитарная (где подчиненные, их труд и все объекты, вовлекаемые в трудовую деятельность, являются собственностью руководителя, или группы руководителей – в разных долях).

¹ Опубликовано в газете «Истоки» (№ 32, 09.08.2006), на сайте РФО «Диалог XXI век», сайте LiveJournal.com, в «Бюллетене Джонсона» (Johnson's Russia List), № 44).

– И как эта классификация соотносится с общепринятыми в той же марксистско-ленинской политэкономии дефинициями собственности?

– А никак. Точнее говоря, часть терминов является синонимами выделяемых нами типов собственности, другая же часть просто излишня, а то и ненаучна, то есть не имеет никакой эвристической, познавательной ценности.

Взять такие понятия, как частная, групповая и общественная собственность. Согласно нашей классификации и терминологии, частная (как и личная) собственность есть не что иное, как индивидуальная собственность отдельных граждан. Групповая собственность – слишком размытое понятие, непонятно, о чем конкретно идет речь – об авторитарной собственности в группе, или о коллективной собственности, принадлежащей всему коллективу, всем его членам на равных правах? Что касается общественной собственности, то тут вопрос посложнее. То, как определяют этот термин Маркс и Ленин, никак не вяжется с употреблением его большинством представителей общественных наук советского и постсоветского периодов. Если передать изначальное понимание революционными социалистами слова «общественная собственность» в терминах нашей классификации отношений собственности, то окажется, что оно означает отношения коллективной собственности, которые преобладают внутри всего общества, взятого в целом. То есть все производительные силы, средства производства на равных принадлежат и используются, а значит, управляются всеми членами данного общества. Тот же необходимый минимум руководителей, без которых попросту не обойтись, жестко и плотно контролируется подчиненными (и уж тем более этих руководителей могут в любой момент сместить – по решению коллектива).

Отсюда мы можем заключить: реальный социализм, как общественно-экономический строй, основанный на общественно-коллективном способе управления и общественном типе собственности, ни в СССР, ни в других странах «соцлагеря», увы, не имел место быть.

– А как же быть с аргументами Ваших оппонентов? Они по определению ложны?

– Эти аргументы просто-напросто, в силу их заезженности и банальности, давно уже превратились в истину в последней инстанции, в некие догмы, по поводу которых не принято критически рефлексировать. Что обычно говорят апологеты «советского социализма»? Да просто постулируют: дескать, во-первых, в Советском Союзе существовала общественная, общенародная – социалистическая – собственность в форме государственной и колхозно-кооперативной (плюс личная собственность граждан), а во-вторых, государством управляли трудящиеся, весь трудовой народ посредством избранных им руководителей. Но на самом деле такой тип собственности, какой существовал в СССР и других странах, есть не что иное, как авторитарные отношения собственности, когда многочисленными группами трудящихся управляли не сами трудящиеся, а их не менее многочисленные начальники – от мала до велика. Самым главным собственником при этом оставалось государство в лице высших госчиновников – партийных и правительственных. Это был авторитарный тип управления и собственности, как и во всяком другом эксплуататорском классовом обществе.

– То есть, Вы считаете, что власть в нашей бывшей социалистической державе реально принадлежала не трудящимся, а авторитарным руководителям, фактически ставшим аналогом капиталистов, буржуа, и собственность в большей степени принадлежала им, то есть они ею пользовались и управляли, а вовсе не трудовой народ, простые граждане СССР?

– А вот это – вовсе не мое особое мнение, а просто факт. Ибо, действительно, нет никакой принципиальной разницы между госчиновником, капиталистом-собственником и управляющим топ-менеджером – и тот, и другой, и третий имеют в своих руках все реальные рычаги управления, а значит, и собственности. Разница между ними лишь в доле этой собственности, в том проценте ее, которым они владеют.

– А как быть с первобытным обществом – на Ваш взгляд, какой тип отношений преобладал на этой стадии развития?

– Здесь как раз все понятно: на стадии первобытнообщинного строя преобладали отношения коллективной собственности и управления, ибо все средства производства (охота, собирательство, воспитание детей) находились в собственности коллектива – первобытной общины (каждая из таких общин сама по себе являлась маленьким обществом, члены которого только друг к другу относились, как к людям). За одним небольшим исключением – изготовление орудий труда находилось в сфере отношений индивидуальной собственности. Но они не преобладали в первобытном коллективе, а посему термин «первобытный коммунизм» корректен.

Впоследствии первобытный коммунизм сменяется первобытной (военной) демократией, когда управление племенем (которое неуклонно растет численно) приобретает все более авторитарные черты. Возникает феномен власти, сосредоточенной в руках коллектива взрослых, сильных, вооруженных мужчин – воинов. В среде последних, кстати, выдвигаются свои лидеры – вожди, и таким образом авторитарность управления неуклонно возрастает. Вместе с первобытным обществом разлагается и институт коллективной собственности, что постепенно приводит ко всем «прелестям» классового общества с его индивидуальными и авторитарными типами отношений собственности и авторитарным типом управления совместными действиями людей – властью.

– А все-таки, какой тип общественно-экономической формации преобладал в бывшем СССР? Очевидно, это не мог быть ни рабовладельческий, ни феодальный, ни капиталистический по определению строй...

– Относительно термина «рабовладельческий» сразу скажу, что он не имеет под собой научной основы. Дело в том, что рабский труд как таковой не имел преобладающего значения ни в одном из обществ прошлого – ни в античных обществах Средиземноморья, ни в древневосточных государствах. Сам Маркс употреблял более верные определения – античный и азиатский способы производства, а значит, и соответствующие им общественно-экономические формации.

Как эти формации, так и феодализм являются по определению доиндустриальными обществами, а потому индустриальное общество СССР не может быть отнесено ни к одному из них. Касательно капитализма: ввиду того, что в том же Советском Союзе не было в наличии капиталистических фирм и отдельных капиталистов, которые бы не подчинялись полностью и непрерывно государству как главному собственнику и управленцу, то называть капитализмом (или государственным капитализмом) общественно-экономический строй в бывшем СССР, разумеется, не правомерно (хотя в некоторых странах «соцлагеря» – таких, как Югославия и Польша – капитализм несомненно имел место). Вероятно, мы должны вести речь о каком-то ином общественно-экономическом строе и соответствующем ему способе производства. И действительно, такой тип вычленен и назван нами – это неоазиатский способ производства.

– В чем суть и каковы характерные черты этого типа общественно-экономической формации?

– При неоазиатском способе производства место капиталистических монополий и прочих фирм занимает единый эксплуататор, единственная на всю страну монополия, которая владеет всеми рабочими силами жителей этой страны – то есть государство. При этом существуют два основных класса, являющихся главными действующими лицами неоазиатской экономики – класс государственных бюрократов (партийные и хозяйственные чиновники разных рангов – но всегда управленцы) и государственные рабочие (рядовые рабочие, колхозники, некоторые служащие). Между высшими бюрократами и госрабочими имеются несколько промежуточных слоев, часть которых можно выделить в отдельный класс – это среднее и мелкое чиновничество (неоазиатские администраторы).

– Каково Ваше отношение к столь популярной ныне концепции постиндустриального общества?

– Резко отрицательное. Во-первых, до сих пор даже в самых передовых странах мира новые информационные технологии еще не вывели производительные силы на новый, качественно отличный от индустриального уровень развития: если место пишущей машинки занял компьютер, а почту и библиотеки дополнил Интернет, это еще не значит, что общество перестало быть индустриальным. Во-вторых, сегодня общество во всех странах мира вполне узнаваемо: это все тот же монополистический капитализм, который возник чуть более ста лет назад, затем в некоторых странах мира уступил место неоазиатской общественно-экономической формации, а сегодня вновь охватил весь мир. Все его особенности известны человечеству вот уже на протяжении столетия, даже если эти старые явления сегодня называются новыми именами: например, «глобализация» – это все тот же империалистический раздел и передел мира, описанный еще Лениным и с тех пор изменившийся лишь в некоторых мелких, третьестепенных частностях. Зачем же вводить людей в заблуждение, называя «постиндустриальным» зрелое индустриальное общество – более развитое, чем индустриальное общество столетней давности, но в своих основах оставшееся тем же?

– И последний вопрос: какова вероятность перехода человечества к социализму с присущим ему преобладанием коллективной собственности и управления?

– Такая вероятность не просто существует – на наш взгляд, этот переход закономерен и внутренне необходим, альтернативой ему может быть лишь гибель человечества от глобальной экологической катастрофы. Если производство ведется прежде всего ради прибыли бизнесменов и карьеры начальников, то при повышении уровня развития производительных сил Земля неизбежно будет все быстрее превращаться в помойку. И тут не помогут никакие хорошие экологические законы и движения «зеленых»: расходы на экологию всегда убыточны для капиталиста и создают угрозу невыполнения плана для начальника, а потому хозяева производительных сил всегда найдут способы обойти даже самые строгие законы в самых некоррумпированных государствах – даже если граждане этих государств сплошь активно поддержат «зеленых»...

Здесь дело обстоит так же, как с физическим развитием индивида: превращение подростка во взрослого человека закономерно и внутренне необходимо, альтернативой этому превращению может быть лишь гибель подростка. В этом отношении фундаментальное значение приобретают как раз новейшие компьютерные системы и информационные технологии, которые способны помочь большим массам трудящихся коллективно управлять производством, обменом, распределением и потреблением материальных и духовных благ. Было бы только на то желание самих трудящихся и готовность добиваться желаемого...

Новая философская школа²

Любому журналисту – даже научному – нечасто удастся уловить и зафиксировать в статье момент зарождения научной или философской школы. Обычно новая школа попадает в сферу внимания прессы, уже став достаточно известной в научном мире. Данный случай – исключение: автору статьи посчастливилось оказаться свидетелем того момента, когда новое учение уже зародилось, привлекает к себе все больше внимания, его начинают осваивать, кто-то подхватывает те или иные его куски, кто-то уже критикует его – но известность его еще не широка, и автор этих строк оказывается одним из первых провозвестников появления нового направления в научной мысли.

² Опубликовано в газете «Истоки» (№ 48, 28.11.2007), в газете «Экономическая и философская газета» (№ 1-э, 15.07.2009), в журнале «Вестник Российского философского общества» (№ 01, 2008), на сайте РФО «Диалог XXI век».

Основатель новой социально-философской школы – Владислав Бугера, доктор философских наук, доцент кафедры философии гуманитарного факультета Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ), сопредседатель Башкирского отделения Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта (БО НСММИ РАН).

Владислав Евгеньевич Бугера родился 24 января 1971 г. в Уфе. Как видим, автор новой философской школы совсем еще не стар годами. В 1988 г. он поступил на философский факультет Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, окончил университет в 1993 г. В УГНТУ работает с 1996 г.

В. Бугера имеет 35 научных и учебно-методических публикаций, в том числе 3 монографии, опубликованные в 2003-05 гг. (две – «Собственность и управление» и «Сущность человека» – вышли в Москве, в издательстве «Наука», одна – «Социальная сущность и роль философии Ницше» – двумя изданиями, сперва в Уфе, в издательстве АН РБ «Гилем», затем в московском издательстве «КомКнига»). В 2005 г. в Москве (издательство «Компания Спутник+») вышел сборник статей авторов из России и США «Исторический материализм в XXI веке: необходимость обновления», составителем и редактором которого стал В. Бугера. В этом сборнике, а также в сборниках материалов трех международных научно-практических конференций был опубликован ряд статей и тезисов философов из США и Эстонии; перевел их с английского опять-таки Владислав Бугера.

Монографии В. Бугеры хранятся в фондах ряда крупных научных и публичных библиотек – начиная с Российской государственной библиотеки и Библиотеки Конгресса США – и продаются в ближнем (Украина, Грузия) и дальнем (страны Евросоюза, США, Израиль) зарубежье. Работы Владислава Евгеньевича можно найти в нескольких интернет-библиотеках, а также в электронной версии журнала «Нефтегазовое дело» (www.ogbus.ru), на сайтах Российского философского общества (РФО) и БО НСММИ РАН (www.ufaintell.narod.ru).

Названий у новой социально-философской школы два: одно из них – «Учение об отношениях управления и собственности как субстанции общества», другое – «Учение о человеке как ансамбле отношений собственности и управления». Различные идеи этой школы уже получили дальнейшее развитие и вместе с тем стали предметом дискуссии в работах нескольких авторов из России и ближнего зарубежья. Концепции, выдвигаемые В. Бугерой, регулярно дискутируются на заседаниях ряда научных семинаров и клубов Уфы. Доклады, тезисы и статьи, в которых идеи новой школы применяются для анализа различных сфер бытия общества и личности, были представлены на ряде международных и российских научных конференций и опубликованы в сборниках их материалов.

Основные идеи новой школы:

1. Управление есть переход от плана сознательного, целенаправленного (практического) действия к самому акту такого действия. Вместе с тем, акт управления является не только переходом от плана к акту практического действия – он и сам по себе является актом практического действия. В процессе всех вообще практических действий между людьми складываются разные виды общественных отношений; один из таких видов, а именно отношения управления, складывается между людьми в процессе их управления своими действиями. Отношения управления лежат в основе почти всех общественных отношений (за исключением отношений собственности) и представляют собою субстанцию общества, ту клеточку, исходя из которой можно объяснить строение и развитие всякого общества (точно так же, как строение и развитие любой формы жизни можно объяснить, исходя из исследования живой клетки).

2. Отношения собственности – это отношения не между людьми и вещами, но между людьми по поводу вещей. Отношения собственности есть отношения социальной возможности управления практической деятельностью и вещами, вовлеченными в процесс этой деятельности; отношения собственности определяют, кто, кем (или чем) и в какой степени управляет. Отношения собственности – это та матрица, на основе которой постоянно воспроизводятся

разнообразные отношения и акты управления, а тем самым и разнообразные акты практической деятельности, вся вообще человеческая культура, психика отдельных людей, групп людей и всего человечества. Если сравнивать общество с живым организмом, а отношения управления – с клетками, из которых строятся его ткани и органы, то отношения собственности есть хромосомы и гены этих клеток. И хотя отношения собственности первичны, а отношения управления вторичны (так же, как гены первичны, а клетка вторична), но познавать отношения собственности мы можем, лишь исходя из познания отношений управления (так же, как изучать гены возможно, лишь исходя из изучения клетки).

Развитие производительных сил определяет развитие культуры и психики людей именно через посредство отношений собственности управления (прежде всего – в сфере экономики): изменяясь под воздействием развития производительных сил, отношения собственности на производительные силы и управление производством, распределением, обменом и потреблением изменяют всю систему общественных отношений, характер всей практической деятельности людей (что, в свою очередь, дает дальнейший толчок развитию производительных сил), а также культуру и психологию людей.

3. Идея Маркса о том, что сущность человека – это совокупность (ансамбль, как переводят некоторые) общественных отношений, уточняется В. Бугерой так: сущность человека – это в первую очередь совокупность (ансамбль) отношений собственности и управления. Изучая отношения собственности и управления в их развитии, мы обретаем ключик к изучению всех сфер человеческого бытия, всех сторон и моментов человеческого существования: от производства, распределения и потребления материальных благ до сексуальности и воспитания детей, от религии и искусства до научного творчества, от здоровой и больной психики до развития человеческой речи.

Именно так – объяснить развитие человека не просто через развитие общественных отношений, но именно через развитие отношений управления (и отношений собственности как отношений социальной возможности управления) – до В. Бугеры не ставил вопрос еще ни один сторонник философии исторического материализма (некоторые подходы – но лишь подходы – к такой постановке вопроса можно усмотреть, пожалуй, лишь у А. Богданова, который хотя и повлиял на Бугеру, но последнего никак нельзя причислить к последователям Богданова: их трактовки отношений управления и собственности существенно различаются). Таким образом, Владислав Евгеньевич основал даже не просто новую школу, но и целое направление внутри этого философского течения.

4. Существуют три основных типа отношений управления: отношения индивидуального, авторитарного и коллективного управления (термины взяты у А. Богданова, но наполнены существенно иным, чем у него, содержанием). Им соответствуют три основных типа отношений собственности: отношения индивидуальной, авторитарной и коллективной собственности. Отношения индивидуального управления имеют место, когда члены группы не вмешиваются в управление действиями друг друга. Отношения авторитарного управления – это отношения между начальниками и подчиненными, отношения вертикальной координации действий в группе. Наконец, отношения коллективного управления – это отношения горизонтальной координации действий, когда члены группы на равных, без деления на начальников и подчиненных координируют свои действия, направляя их к общей цели.

Все эти три типа отношений управления (и соответствующие им три типа отношений собственности) присутствуют в любой группе, сколь угодно малой или большой – от двух человек до всего человечества. Вопрос в том, в каких пропорциях они смешаны друг с другом, как и по каким причинам изменяются эти пропорции. Изучая это, мы как раз и находим ключ к любым загадкам человеческого существования.

В. Бугера в своих работах чрезвычайно широко использовал открытый им подход к изучению общества, а тем самым и человека.

Изучая экономическое развитие человечества, он развил целый ряд новых концепций и теорий. Отметим из них, для примера, следующие: определение эксплуатации как авторитарного управления распределением материальных благ и новый, сильно модифицированный вариант ленинской концепции класса; открытие целого ряда ранее не вычлененных классов общества, весьма обновленный взгляд на понятия «общественно-экономическая формация» и «экономический уклад»; концепция неоазиатского – не путать с азиатским! – способа производства и соответствующей общественно-экономической формации, существовавшей в СССР и некоторых других странах в XX веке; новая теория нации как авторитарной общности, консолидируемой буржуазией или неоазиатской бюрократией – при помощи интеллигенции – не только посредством рычагов экономической и политической власти, но и посредством литературного языка и школьного образования как орудий власти.

Изучая духовную культуру человечества, Бугера развил новые концепции фольклорной культуры, профессиональной культуры и массовой культуры как одного из видов профессиональной культуры, новую концепцию развития религии и многое другое.

Исследуя человеческую психику, Владислав Евгеньевич развил учение о пяти антагонистически противоречащих друг другу влечениях (стремление к общению и взаимопомощи; стремление дистанцироваться от окружающих; воля к власти; воля к подчинению; воля к бунту), лежащих в основе психики каждого человека классового общества, комбинирующихся в разных, по-разному изменяющихся пропорциях – и тем самым порождающих все многообразие индивидуальных характеров и психических патологий. В. Бугера показал, что личность бывает не только индивидуальной; что группа людей, в которой преобладают отношения коллективного управления и коллективной собственности, является единой личностью – для ее характеристики Владислав Бугера ввел понятие «коллективная личность».

Весьма оригинальна концепция происхождения патриотических чувств и их принципиально новая классификация. Согласно этой концепции, в основе образа родины и любви к ней у каждого человека лежит тяготение – разумеется, в большинстве случаев неосознанное – к тому, чтобы занимать определенное место в определенных комбинациях отношений управления и собственности; соответственно, виды любви к родине различаются по тому, какую именно комбинацию отношений собственности и управления и какое место в ней человек олицетворяет в образе родины. Бугера также любопытным образом объясняет связь образа родины с образом родителей или вообще предков на разных этапах общественного развития.

Среди прочих своих психологических концепций (по мнению В. Бугеры, психология может быть наукой, лишь будучи социальной) он развил – опираясь на исследования целого ряда психологов XX века – концепцию гомосексуальности как неоднородного явления, обусловленного не биологической наследственностью, но различными комбинациями отношений управления в некоторых типичных малых группах, в которых с детства воспитывается человек, и в целом в обществах, воспроизводящих такие малые группы.

Будучи философом, а не математиком, В. Бугера не разработал никаких методик подсчета тех пропорций, в которых смешаны три типа отношений управления той или иной деятельностью и соответствующие им три типа отношений собственности в различных группах людей. Однако он постарался обозначить в монографиях «Собственность и управление» и «Сущность человека» хотя бы первые подходы к развитию методологии разработок таких методик.

Вообще говоря, учение об отношениях управления и собственности как субстанции общества и о человеке как ансамбле отношений собственности и управления не есть какая-то замкнутая, законченная система. Оно скорее представляет собой новую парадигму не только для дальнейших социально-философских исследований, но и для исследований во всех частных науках об обществе и личности. Владислав Евгеньевич не завершает никаких построений – он лишь закладывает новые фундаменты, продолжение строительства на которых есть дело

не одного года и не одного человека. Бугера открывает новые горизонты, но не объявляет, что достиг их, и что дальше пути нет. Его учение – не стена в конце пути, оно есть новый путь.

В работах В. Бугеры содержится подробно обоснованный прогноз развития человечества в XXI веке. В частности, доказывается, что количество и кровопролитность локальных войн будут нарастать до такой степени, что наступит момент, когда по своему размаху эти войны станут чем-то вроде эквивалента третьей мировой войны. Этот прогноз, данный Владиславом Евгеньевичем еще в 90-х гг., уже начинает сбываться: число локальных войн умножается, они становятся все более затяжными и кровопролитными, а разговорами о третьей мировой войне уже никого не удивишь, они вошли в моду...

Неизбежность третьего передела мира³

«Малая война» в Южной Осетии вызвала множество разноречивых отзывов, а первые результаты ее едва ли не потрясли весь мир. В чем подлинные причины подобных инцидентов, ждут ли нас новые войны и столкновения? На эти вопросы мы попросили ответить доктора философских наук В. Е. Бугеру, хорошо знакомого нашим читателям по прежним публикациям в «Истоках».

– Владислав Евгеньевич, Вам принадлежит тезис о том, что при монополистическом капитализме модернизация производства мирных товаров широкого потребления стимулируется исключительно лишь большими войнами.

– Действительно, в эпоху империализма монополиям выгоднее совершенствовать производство пушек вместо масла (а если масла – то как провианта для армии). На то есть две причины. Первая обусловлена тем, что монополиям выгоднее не тратиться на модернизацию мирного производства, но РАСШИРЯТЬ СВОИ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ – и тем самым увеличивать сверхприбыли, получаемые за счет монопольных цен; а для того, чтобы расширять сферы влияния, нужно воевать или, по крайней мере, бряцать оружием. Вторая же причина заключается в том, что во время войны прибыли капиталистических монополий ПЕРЕСТАЮТ БЫТЬ ОГРАНИЧЕННЫМИ ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТЬЮ НАСЕЛЕНИЯ: в отличие от мирного времени, во время войны большинство товаров, производимых переориентированными на войну промышленностью и сельским хозяйством – оружие, провиант и обмундирование для армии и тому подобное – покупает не население, а государство, и потому можно урезать заработную плату до размеров еле-еле достаточного для выживания ежедневного пайка, не опасаясь того, что обнищавшее население перестанет покупать товары и наступит экономический кризис (как это неизбежно произошло бы в мирное время). А если еще учесть, что в военное время можно увеличить рабочий день до размеров, немыслимых в мирное время, и обосновать сокращение зарплаты и увеличение рабочего дня необходимостью военного времени (а с теми, кто будет протестовать или просто уклоняться от работы, расправляться опять-таки по законам военного времени – как с вражескими пособниками), то становится понятно, что большая война оказывается золотым дном для монополий всех – В ТОМ ЧИСЛЕ И ПРОИГРАВШИХ войну – стран, участвовавших в войне. Так, хорошо известно, что проигрыш Германии в обеих мировых войнах не помешал ее монополиям очень хорошо нажиться на них. Для эпохи империализма вдвойне верна старая истина: все выгоды от войн между государствами присваивают эксплуататоры, а все издержки ложатся на плечи эксплуатируемых.

– То есть неизменно прогрессирует не только производство оружия, но и...

– ...Но и мирная продукция, как побочный продукт новейших высоких технологий, используемых первоначально в военных целях. Это – так называемые технологии двой-

³ Опубликовано в газете «Истоки» (№ 35, 27.08.2008), на сайте LiveJournal.com.

ного применения. Технически модернизировать производство мирных товаров становится по-настоящему выгодно монополиям лишь СРАЗУ ПОСЛЕ ВОЙНЫ – когда хочешь не хочешь, а приходится вновь переводить на мирные рельсы часть экономики. При этом разрушенная противником инфраструктура лишь облегчает внедрение новейших технологий, ибо дешевле выстроить новый завод, оснащенный новейшей техникой, на пустом месте, чем переоснащать старый завод, переоборудуя старые постройки и коммуникации. Этот экономический рост вкупе с техническим подъемом продолжается до тех пор, пока накопившиеся за время застоя противоречия между делящими мир финансовыми группировками не выльются в очередную всемирную разборку.

– И каковы же, по-вашему, интервалы между мировыми войнами?

– Если исходить из «кондратьевских больших циклов», то вырисовывается следующая картина. Окончание второй мировой войны непосредственно предшествовало, говоря словами Н. Д. Кондратьева, «повышательной волне» очередного «большого цикла» – той самой волне, которая принесла с собой Научно-техническую революцию. Эта волна, создавая качественно новые технологии и тем самым, открывая великое множество ранее не существовавших рынков, позволила монополиям всего мира несколько десятков лет подряд получать огромные сверхприбыли за счет модернизации мирного производства, обходясь без очередной всемирной мясорубки и ограничиваясь «холодной войной» и локальными войнами для выяснения отношений между собой. А вот между первой и второй мировыми войнами как раз пришлась «понижательная волна» «большого цикла», то есть застой в модернизации мирного производства, заставлявший монополистический капитал всего мира как можно быстрее вновь обрести источник сверхприбылей в очередной всемирной бойне. Потому-то вторая мировая война и началась всего лишь через двадцать лет после окончания первой.

И раз капитализм до сих пор существует – и сейчас находится в такой фазе своего циклического движения, которая непосредственно, с железной необходимостью порождает очередной империалистический передел мира, – и раз сегодня нет таких сил, которые были бы способны в самое ближайшее время уничтожить капитализм как общественно-экономическую формацию, то отсюда с неизбежностью следует, что человечеству в достаточно скором времени предстоит пережить кошмар третьей всемирной резни.

– Конкретными причинами нынешних военных конфликтов называют битвы за различные энергетические ресурсы и прежде всего – за нефть...

– Говорить об этом – значит, ползать по поверхности явлений, не проникая в их сущность, а следовательно, не достигая возможности делать хорошо обоснованные долгосрочные прогнозы. Острейшая борьба за нефть между различными империалистическими группировками идет в мире вот уже несколько десятилетий подряд – но почему к третьему переделу мира она не привела человечество, скажем, еще в 70-е годы, почему она породит всемирную бойню только в первой половине XXI века? Да потому, что только сегодня мировая экономика вступила в соответствующую фазу своего циклического движения.

– Вы утверждаете, что созрели объективные предпосылки к развязыванию третьей (горячей) мировой войны. Будет ли она отличаться от первых двух?

– Вне всякого сомнения, третий империалистический передел мира будет очень сильно отличаться от первых двух. Одним из основных источников этих отличий станет тот факт, что первые две мировые войны происходили еще в эпоху «классической» мировой системы колониализма, а третья всемирная разборка будет происходить в условиях нынешней системы НЕОКОЛОНИАЛИЗМА.

Первые два больших империалистических передела мира происходили так: небольшое число сильнейших держав делились на два блока, непосредственно вступали в схватку друг с другом, а все остальные государства следовали за тем или другим блоком в роли оруженосцев, снабженцев и прочего обслуживающего персонала – одним словом, в роли статистов. В

XXI веке все будет иначе, поскольку современные средне- и слаборазвитые страны – это уже не прежние колонии, но сплошь политически суверенные государства; и хотя все они находятся в той или иной степени полуколониальной зависимости от наиболее высокоразвитых империалистических государств, однако среди этих полукolonий мы все же видим немало довольно сильных – и экономически, и политически – буржуазных государств со своими особыми, вполне определенными империалистическими интересами и межимпериалистическими противоречиями. Эти государства примут в третьем переделе мира хотя и не абсолютно, но все же в большой мере самостоятельное участие – они уже будут не просто участвовать в массовке, но играть свои собственные, хотя и не главные, роли. То есть эти государства будут вести СВОИ ВОЙНЫ. А мировая буржуазия разделится отнюдь не на два, а на большее количество противостоящих друг другу блоков, ведущих, скорее всего, не единую мировую войну, но ЦЕЛЫЙ РЯД БОЛЬШИХ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН, почти (но не обязательно полностью!) одновременных, так или иначе связанных между собой и переходящих друг в друга. Таким образом, третий большой империалистический передел мира, скорее всего, будет не единой мировой войной, но цепочкой больших локальных войн.

В третьем переделе мира будет несколько одинаково важных театров военных действий, разбросанных по всему миру. И начнется третья всемирная буржуйская разборка, скорее всего, на территории средне- и слаборазвитых стран, а на территорию высокоразвитых стран перекинется не сразу – если вообще перекинется.

– Я понимаю, что это в некоторой степени «гадание на кофейной гуще», и все же – можете ли Вы навскидку предсказать, какие именно государства будут воевать друг с другом в XXI веке и, хотя бы примерно, когда именно они ввяжутся в войны?

– Очевидно, что для того, чтобы давать обоснованные прогнозы такого рода, анализ глобальных закономерностей развития современной капиталистической экономики хотя и необходим, но совершенно недостаточен. Задача конкретного прогнозирования начала и хода будущих войн осложняется тем, что в периоды, когда крупнейшие монополистические группировки оказываются заинтересованными не только в насильственном переделе мира, но и в том, чтобы сделать хороший бизнес на самом процессе этого передела, буржуазные государства начинают выбирать себе союзников и противников, основываясь зачастую не на предшествующих долговременных традициях партнерства или соперничества друг с другом, но на сиюминутных экономических и политических интересах влиятельных буржуазных группировок – настолько сиюминутных, что их очень трудно предсказать заранее.

При этом часто мы наблюдаем разного рода мистификацию причин подобных войн – к примеру, миф о «конфликте цивилизаций». Достаточно взглянуть на войну в Ираке, где войну ведут не столько представители «христианской цивилизации» против «исламской цивилизации», сколько представители этой самой «исламской цивилизации» друг против друга; достаточно взглянуть на Абхазию и Южную Осетию, где абхазы и осетины – частично православные, частично мусульмане – единодушны в своей вражде к православной Грузии и мечтают о защите со стороны преимущественно православной России. Религиозные и межэтнические конфликты – это лишь ОПОСРЕДСТВУЮЩИЕ ЗВЕНЬЯ в развязывании войн, ПЕРВОПРИЧИНЫ же этих войн лежат в области экономики.

– И все же попробуем спрогнозировать, основываясь на выдвинутом Вами принципе экономической подоплеки...

– Что ж, извольте. Среди наиболее вероятных очагов будущих локальных войн следует прежде всего назвать Балканы и Ближний и Средний Восток, а также примыкающие к ним Среднюю Азию, Закавказье и Северный Кавказ. Эти регионы настолько долго и настолько очевидно являются «горячими точками» – язвами, воспаляющимися и кровоточащими в порядке реакции чуть ли не на любое обострение межимпериалистических противоречий в мире вот уже на протяжении более чем ста лет, – что нет необходимости задерживаться на детальном

доказательстве того, что грядущий передел мира реализуется в этих регионах как в форме межгосударственных, так и в форме межэтнических и межконфессиональных гражданских войн. После второй мировой войны такой же «горячей зоной» стала практически вся Африка, где в первой половине наступившего столетия можно с уверенностью прогнозировать рост даже не столько межгосударственных, сколько межплеменных войн.

Далее нам следует обратить внимание на государства, наиболее высокоразвитые из средне- и слаборазвитых, – государства, чья экономика кажется на фоне всемирного застоя бурно растущей. Эти государства претендуют на одну и ту же нишу в системе международного разделения труда – на роль поставщиков либо сырья, либо дешевых товаров, а также дешевой (хотя иногда довольно-таки высококвалифицированной) рабочей силы на мировой рынок. Поэтому между такими государствами сплошь и рядом существуют и нарастают глубокие экономические противоречия – слишком глубокие, чтобы увидеть их с первого взгляда: на поверхности явлений мы видим лишь то, что эти государства часто поддерживают между собой прекрасные дипломатические отношения, наращивают товарооборот – и, казалось бы, ничто не обещает нарушить эту идиллию, на самом деле такую хрупкую...

Такие государства мы находим прежде всего в Азии. Следует внимательно анализировать экономические и политические отношения между не только Индией и Пакистаном (здесь потенциальная возможность войны очевидна), но и Индией и Китаем, Китаем и Россией, Индонезией и Малайзией. Зато вряд ли стоит тратить время и силы как на Северную, так и на Южную Корею. Южную Корею от всех нападков защитят США; что же касается Северной Кореи, то сколько бы она ни грозила ядерными испытаниями и ни скандалила в ООН, никто на нее не нападет по двум причинам. Во-первых, она ни для кого из своих соседей не является серьезным конкурентом в дележе экономических сфер влияния, в борьбе за место на мировом рынке; во-вторых, всякий, кто свергнет нынешний северокорейский режим, очутится лицом к лицу с проблемой: а что же делать с миллионами северокорейских безработных, которые никому – в том числе и Южной Корее – не нужны? ...Короче говоря, Северная Корея – это тот самый Неуловимый Джо, который неуловим потому, что даром никому не нужен. Единственно, чем она может пригодиться буржуазии мировых империалистических держав и соседних с нею государств – это именно своим неограниченно долгим существованием в нынешнем виде, чтобы, если некого больше будет объявлять «центром зла», служить хотя бы ничтожным, но все же поводом для военных госзаказов.

Странно то, что, кажется, никто или почти никто не ставит сегодня вопрос о том, не является ли Латинская Америка очагом будущих войн. А между тем на этот регион стоило бы обратить пристальное внимание именно с данной точки зрения. Во-первых, там издавна – причем чем дальше, тем больше – сталкиваются интересы самых разных империалистических держав (в том числе и по поводу пресловутых энергетических ресурсов – например, венесуэльской нефти). Во-вторых, там располагается целый ряд государств с неслабыми армиями – государств, которым в XIX веке уже доводилось довольно-таки интенсивно воевать друг с другом. Некоторые из них на фоне всемирного застоя выглядят экономически растущими (как, скажем, Бразилия); тем самым возникают основания для борьбы между ними за одну и ту же нишу в системе мирового разделения труда. И как раз недавно начали появляться поводы для того, чтобы перевести эту борьбу в форму настоящей войны: уже в нескольких латиноамериканских государствах к власти пришли правительства, поднявшие красный флаг и заявляющие словесные претензии (правда, не очень-то обоснованные практически) на радикальную левизну. Как показывает опыт истории последних полутора столетий, если кто-то поднял красный флаг – это очень удобный предлог для того, чтобы объявить дерзкого вне норм права (в том числе международного) и объявить на него охоту. В данном случае объявить охоту на «красных» в Латинской Америке прежде всего заинтересованы США; было бы очень интересно заранее проанализировать, не заинтересованы ли какие-нибудь латиноамериканские государства

откликнуться на подобный призыв, и хватит ли у российской империалистической буржуазии (в объятья которой, по давно уже протоптанной тропе Фиделя Кастро и Даниэля Ортеги, уже кинулся Уго Чавес) желания и сил отстоять «социалистические» режимы в Латинской Америке от их врагов и своих конкурентов.

– Если Ваш сценарий осуществится, то сразу же возникает резонный вопрос: а что потом? Что ждет человечество после Третьего мирового передела – цепи локальных и региональных войн? Тотальная разруха и глобальный экологический кризис, «Железная пята» или... заря «светлого будущего»?

– Во-первых, сразу же необходимо отметить, что в отличие от второй мировой войны, финал которой в 1944 году – через пять лет после ее начала – уже был очевиден, цепочка больших локальных войн, предстоящая человечеству в XXI веке, может продолжаться довольно долго без очевидных предзнаменований того, когда и чьей победой она закончится. Это обстоятельство, несомненно, будет повергать в отчаяние миллионы рядовых наемных работников (пролетариев и представителей низших слоев средних классов), вооруженных, организованных в воинские части и посланных на смерть буржуазией – и делать их готовыми к тому, чтобы повернуть оружие на своих же начальников и господ. Кроме того, среди участников грядущего империалистического передела мира не будет таких мощных молодых тоталитарных государств, как СССР и нацистская Германия, способных настолько же эффективно контролировать эксплуатируемых трудящихся и подавлять в зародыше любую организованную оппозицию. Это второе обстоятельство больше сближает грядущую всемирную разборку с первой мировой войной, чем со второй. Благодаря этим двум обстоятельствам третий большой империалистический передел мира, по всей вероятности, породит ВОЛНУ РЕВОЛЮЦИЙ, которые начнутся во время него и прокатятся по земному шару. Подчеркнем специально: не каких-нибудь «оранжевых» псевдореволюций, но самых настоящих социальных, насильственных и весьма кровавых революций.

Поскольку буржуазные государства средне- и слаборазвитых стран будут гнать своих пролетариев в бой не только пулеметами заградотрядов, но и национальной идеей, патриотическим и религиозным чувством, то среди пролетариев Азии, Африки, Латинской Америки, Восточной и Южной Европы через какое-то время после начала войн неизбежно вспыхнет ярким пламенем ненависть – как это ни кажется сейчас невероятным – к своему национальному и территориальному патриотизму, к своей традиционной вере. Будут твориться вещи, совершенно невозможные сегодня: в целом ряде стран, где сегодня широко распространены патриотические и религиозно-фундаменталистские настроения, через несколько лет после начала третьей всемирной бойни интернационалистические и антиклерикальные идеи будут так же популярны, как в России 1917 или в Германии 1918 г. При этом национально-освободительные движения, популярные в таких странах сегодня, в ходе предстоящих человечеству больших войн дискредитируют себя в глазах тех самых масс, которые сегодня поддерживают их.

Всякая политическая организация, выступающая под национально-освободительными лозунгами, объективно выступает за власть своей национальной буржуазии (поскольку нация по сути своей есть организация, созданная и руководимая либо буржуазией, либо неоазиатской бюрократией) – а следовательно, ее лидеры и аппарат управления либо изначально находятся под контролем национальной буржуазии, либо вскоре после ее создания скупаются ею на корню. Следовательно, все национально-освободительные организации, какими бы оппозиционными правящим режимам они ни были, в ходе грядущего третьего империалистического передела мира поддержат свои национальные государства в их войне. Все эти фундаменталисты, сапатисты, маоисты, сандинисты, кастристы, тупомаровцы, сендеролуминосовцы и прочие курдские рабочие партии и национальные фронты будут вести себя точно так же, как вело

себя, к примеру, украинское национально-освободительное движение в годы первой мировой войны.

Предстоящие человечеству в XXI веке революции в средне- и слаборазвитых странах не будут национально-освободительными, патриотическими – напротив, они будут АНТИПАТРИОТИЧЕСКИМИ, направленными в первую очередь против буржуазии в своих же собственных странах, против ее государств и ее патриотической идеологии.

Нужно уяснить одну очевидную истину: в эпоху империализма те национальные буржуазии, которые успели занять доминирующие позиции на мировом рынке к моменту возникновения монополистического капитализма, обладают экономической мощью, достаточной для того, чтобы не уступить никому свое лидерство. Все попытки более слабых национальных буржуазий и неоазиатских бюрократий победить своих удачливых соперников ЗАВЕДОМО ОБРЕЧЕНЫ НА ПОРАЖЕНИЕ. До тех пор, пока существует капитализм, господами мира будут те же державы, что и сейчас; а те государства, которые попытаются оспаривать их лидерство, рано или поздно вновь станут их послушными вассалами. Если капиталисты средне- и слаборазвитых стран ведут борьбу с буржуазией одних высокоразвитых стран, то обычно они делают это под покровительством буржуазии других высокоразвитых стран. И какие бы патриоты – правые или «левые» – ни приходили к власти в средне- и слаборазвитых государствах, все они вели, ведут и будут вести именно такую политику: вся их антиимпериалистическая риторика оказывалась, оказывается и будет оказываться лишь популистской болтовней. Как это ни парадоксально, действительно направленным против господства богатейших империалистических держав может быть только антипатриотический, разрушающий государство своей же национальной буржуазии и тем самым лишаящий весь мировой капитал инструмента контроля над данной территорией АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ БУНТ. Только такой антинационалистический бунт действительно противоречит правилам игры мирового капитализма; все остальные варианты развития общества укладываются в рамки мирового империализма, не разрушая, но, в конечном счете, лишь укрепляя эту систему.

– Подытоживая, можно сказать, что Вы прогнозируете не только неизбежность новых войн – целой их серии, но и неизбежность последующих вслед за ними социальных революций, которые, начавшись в странах Второго и Третьего мира, перекинутся в высокоразвитые страны «золотого миллиарда».

– Совершенно верно. Глубинные тенденции развития мирового капитализма, как уже было сказано, ведут к очередному, ТРЕТЬЕМУ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМУ ПЕРЕДЕЛУ МИРА, который будет осуществляться через серию больших войн почти по всему миру. Вот основной факт, из которого следует исходить, когда строишь прогнозы на XXI век. И из этого факта с необходимостью следует, что, как мы уже неоднократно отмечали, грядущие большие войны приведут к тому, что пролетариат (прежде всего средне- и слаборазвитых стран) окажется вооружен, по-военному организован, доведен до отчаяния бессмысленной бойней – то есть готов повернуть оружие на своих же начальников.

Обычно, когда доказывают невозможность победоносных пролетарских восстаний в будущем, исходят из молчаливого предположения о том, что капитализм неограниченно долгое время останется таким, каков он есть сегодня – относительно мирным, ограничивающимся лишь небольшими (по сравнению с тем, что было шестьдесят с лишним и девяносто с лишним лет назад) войнами. Нет ничего ошибочнее такого допущения: наиболее достоверным сегодня является именно апокалиптический взгляд на ближайшие пятьдесят-сто лет. Сегодняшняя относительная стабильность капитализма не должна заслонять от нас его ближайшую апокалиптическую перспективу.

Валеев Ильяс Иштуганович

Символы вокруг нас⁴

Ильяс Валеев – автор известный. Блестящий популяризатор науки, яркий публицист, видный педагог... Круг интересов Валеева-исследователя и Валеева-писателя достаточно широк – пропедевтика, культурология, педагогика, литературоведение, история, философия, экология и многое другое. И вот Ильяс Иштуганович порадовал нас новой своей работой.

Великий китайский философ Конфуций (Кун-Цзы) однажды сказал: «Знаки и символы управляют миром, а не слово и закон». Это изречение древнекитайского мудреца было вынесено в качестве эпиграфа в новой книге И. И. Валеева «Воспитание на символах», вышедшей в 2004 г. в уфимском издательстве «Гилем». Книгу приятно держать в руках – превосходное оформление, твердый ламинированный переплет, качественная печать. Но главное – содержание. Речь в этой книге-исследовании идет о символах и о той роли, которую они играют в нашей повседневной жизни – жизни личности и общества.

С самого начала автор убедительно доказывает, что символы – это не просто какие-то изображения или отвлеченные понятия. Нет, символы имеют огромное значение как в духовной культуре, так и в политике, в общественных отношениях. Но особенно велико их воздействие в области идеологии. Не секрет, что именно в этой сфере в последнее время развернулась самая настоящая война символов – уже полвека не снижается натиск американских ценностей на весь остальной мир, на культуры народов мира. Особенно остро этот процесс западнистской духовной экспансии проходит в нашей стране – вот уже без малого два десятилетия!

Чуждые нам символы, традиции и идеи в спешном порядке навязываются, ломая все привычные, веками охранявшиеся устои. Прививается культура, несущая заряд агрессии, разврата, пошлости и бездуховности, обрушивая на наше общественное и индивидуальное сознание целый водопад низменных страстей и ложных нравственно-эстетических установок.

Мы должны ясно представлять себе, что именно символы, знаки и эмблемы оказывают огромное влияние на наш выбор и поведение, интенции (намерения) и потребности – как на индивидуальном, так и на общественном уровнях. Именно символы являются основными элементами, составляющими историческую память как народа, так и отдельной личности. А память – важнейший ресурс для успешной жизнедеятельности человека в постоянно меняющемся мире. Личность опирается на все то позитивное, что хранит ее индивидуальная память. Привычные, положительные символы наполняют человека верой в лучшее, придают силы для самоутверждения, дают импульсы для творчества. И, возможно, что заимствованные из других культур, тем более агрессивно-деструктивных как массовая культура, на уровне подсознания воспринимаются как чужеродные, неживые элементы, подспудно разрушающие психику человека.

«В деле воспитания подрастающего поколения большего вреда, чем издевательство над государственными символами, бывшими или действующими, ничто не может нанести». Разрушительной символике жрецов западнизма-атлантизма мы должны противопоставить наши исконные, национальные символы: государственные, народно-этнические, религиозные, культурные...

⁴ Опубликовано в газете «Истоки» (№ 05, 02.02.2005), в журнале «Учитель Башкортостана» (№ 09, 2005), журнале «Ядкяр» (№ 04, 2005), в сборнике «Уфимская литературная критика» (выпуск 3, 2005), в книге Р. М. Зиязетдинова, Е. Н. Измайловой, Ф. С. Тикеева «Ильяс Валеев: штрихи к портрету» (Уфа, Гилем, 2009).

Верность данного тезиса обосновывает в своем труде И. Валеев, развертывая перед нами познавательную картину истории и биографии важнейших символов, их роли и значения в жизни общества – в мире в целом и, особенно, в России.

Основным государственным символом является Государственный флаг. Автор в увлекательной форме рассказывает о происхождении флага. Возраст прародителей флага – древневосточных штандартов – насчитывает 5000 лет. Свое дальнейшее развитие штандарты-вексиллумы получают в Римской империи. Из средства связи и культовой эмблемы флаг (прикрепленный к древку) превращается в символ власти и могущества, а затем (в Средневековье) в показатель военного или социального статуса какого-либо лица или политического союза – ныне флаги представляют государственно-политические, военные, религиозно-церковные или этнические образования, научные, коммерческие, молодежные или спортивные организации. И наибольшее значение из них имеют, конечно же, национальные флаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.